

Основополагающим в человеческой экзистенции является то, что человек — это индивид и как таковой представляет собой и самого себя, и весь род человеческий, поскольку весь род присутствует в индивиде, как и индивид — во всем роде*.

Сёрен Кьеркегор. Понятие страха

* Иными словами, если бы отдельный человек мог совершенно отпасть от рода, его отпадение сразу изменило бы весь род, и, напротив, если некое животное отпадет от своего вида, вид к этому останется безразличным.

ПРОЛОГ

Итак не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узноано.

Евангелие от Матфея, 10:26

Лесенка была крутая и узкая. На нижней ступеньке виднелась глубокая зарубка, словно кто-то ударил по ней топором.

Однажды лаз в большую черную пещеру остался открытым.

Карна знала об этой пещере — взрослые постоянно поднимались туда. Но сама она никогда там не бывала.

Сперва она поднялась всего на несколько ступенек, потому что на лесенке не было перил. Но потом решилась и поднялась так высоко, что смогла заглянуть в темноту.

Пока она стояла, сунув голову в пещеру, темнота шевельнулась, зашептала ей что-то, поманила к себе.

Карна положила руки на пол и ощупала его. Здесь могла таиться опасность, но в чем она заключалась, Карна не знала.

Мало-помалу темнота подобрела и позволила ей разглядеть сундуки, ящики, коробки, чемоданы, сломанные стулья, мешки и связки старых газет. Возле лаза стояла детская плетеная коляска с откидным верхом.

Карна знала, что, обернувшись и увидев внизу свет, уже не осмелится подняться выше. Поэтому она быстро преодолела последние ступеньки, и наконец ее босые ноги ощутили дощатый пол чердака.

Она думала, что пол будет холодный, но он оказался гораздо теплее, чем внизу, в ее комнате. Словно тепло половиц шло откуда-то изнутри.

По мере того как она двигалась вперед, погружаясь в темноту, они становились теплее. Воздух здесь почему-то казался густым.

Крыша лежала на стропилах, толстых, как руки тролля. Карна лишь угадывала их у себя над головой. Между стропилами были глубокие впадины, там таилось что-то, спрятанное не людьми.

Свет здесь был только тот, что доставал сюда из лаза. Сердце Карны вдруг выросло — ее напугала собственная тень. Оно так стучало, словно готово было выпрыгнуть наружу.

Возле ближайшей печной трубы стоял чемодан с металлическими накладками. Это было первое, что темнота явила Карне. Карна подняла крышку, и послышалось слабое шуршание. Кто это?

Она зажмурилась и сосчитала до трех, потом открыла глаза и отчетливо увидела, как что-то пронеслось мимо ее ног. Как ветер.

Сердце бешено колотилось. Карна замерла. Потом сунула руку в чемодан, там зашелестело что-то, похожее на шелковистую бумагу, из которой Сара делала гирлянды на Рождество.

Под бумагой лежало платье, мягкое, как бархат или кожа. Карна взялась за него обеими руками и вытащила его наружу. Оно оказалось больше ее самой. Она поволокла его за собой, не смея ни взглянуть на него, ни прижать к себе.

Наконец она разложила платье там, где было посветлее, и в лицо ей ударил аромат лета. Чужой, и в то же время знакомый.

Сперва Карна решила, что это обыкновенное платье из красного бархата с длинными рукавами и черным кружевным воротником.

Но вот платье расправилось и село.

Перед ней сидела женщина с длинными волосами и протягивала к ней руки. Звякнули браслеты. Тихонько, только для Карны. Они блестели в полумраке, и их было больше, чем она могла сосчитать.

Карну начало мутить. Руки и ноги сделались ватными, в ушах послышался знакомый звон. Она поняла, что сейчас у нее начнется припадок.

И тут же всем телом ощутила неровность половиц.

Наконец к ней вернулось сознание, перед глазамиплыли красные и черные пятна. Тупо болела голова. Карна обнаружила, что во время припадка прикусила язык. Шея и лицо были мокрые и липкие. Из рта текла слюна.

Карна попыталась ее вытереть, но безуспешно. Ей было холодно. Обхватив себя трясущимися руками, она ощутила мягкий бархат. Она лежала у кого-то на коленях. К ней прикоснулись руки, теплые, осторожные, с поющими браслетами.

Карна зажмурилась. Потом открыла глаза и посмотрела в лицо женщине, чей портрет висел над пианино. На ней было такое же платье. Но здесь оно было настоящее.

Бабушка Дина держала ее в объятиях и ждала, чтобы она очнулась.

Значит, бояться нечего, подумала Карна и снова закрыла глаза. Тогда она услышала голос:

- Я знала, что когда-нибудь ты придешь сюда.
- Ты ждала меня?
- Конечно.
- Я бы пришла раньше, если бы знала, что ты здесь, — слабым голосом проговорила Карна.
- Тебе было бы не поднять крышку лаза.
- Сегодня она была поднята. Это ты?..

- Или кто-то другой.
- Как же я подниму крышку, если захочу снова прийти сюда?
- Попроси Вениамина, он поднимет.
- А если он не захочет?
- Ему придется.
- Почему?
- Ты ведь уже вытащила меня из чемодана.

По лесенке поднялась Бергльот, она испуганно звала Карну.

Карна неподвижно лежала в бархатных объятиях.

Ее отнесли вниз, в ее комнату. Через открытую дверь Карна слышала, как Бергльот бранили за то, что она оставила лаз открытым.

Стине, по обыкновению, сидела у постели Карны, читала вслух «Отче наш» и поила ее отваром манжетки.

— Вы должны привести с чердака бабушку Дину, — проговорила Карна между двумя ложками.

Взрослые, не понимая, с испугом посмотрели на нее.

Она начала вырываться и отказалась пить отвар.

— Господи, спаси и помилуй! Наверное, она видела привидение! — прошептала Бергльот.

Карна поняла, что ей придется простить их. Ведь они ничего не знали. Она вспомнила, как Олине однажды сказала:

— У Дины было много красивых платьев. Она была щеголиха и любила наряжаться. На чердаке осталось немало ее нарядов.

— Принесите мне бабушкино платье, — строго сказала Карна.

И настояла на своем.

Теперь Карна часто бывала на чердаке. И не только летом, когда половицы казались теплыми. И не только в дождь. Нет, в любое время, когда ей хотелось.

Здесь было много вещей, которыми люди пользовались и которые они носили в прежние дни.

Стине и Олине считали, что Карне опасно одной подниматься на темный чердак. Если у нее там случится приступ падучей, она может сильно разбиться.

А вот папа говорил, что Карне надо научиться угадывать приближение припадков, чтобы успеть лечь до того, как он начнется. Оберегать ее не следовало.

Когда Вениамин поднял для Карны крышку лаза, Олине крикнула ему из кухни:

— Ты плохой отец, Вениамин! Разве ты не понимаешь, что ребенок может ушибиться, там все доски прогнили!

Но Карна знала, что на чердаке у нее больше не будет припадков. Там было темно и тихо. Лишь порой где-то шуршали мыши.

Папа помог ей поставить ящики и чемоданы возле лаза, где было светлее. Лампы с собой на чердак ей не дали.

Они с бабушкой часами рылись в старых, никому не нужных вещах. Перед глазами у Карны мелькали неясные картины. Люди, которых она никогда не видела. Не все говорили, как их зовут, но Карне это не мешало.

Бабушка сказала, что они с Карной ищут время.

Иногда они примеряли платья. Бабушка не смеялась, как бы нелепо Карна в них ни выглядела. Она только помогала ей застегивать пуговицы и завязывать тесемки.

Смешнее всего были туфли, на ногах Карны они были как лыжи и при ходьбе царапали пол.

Однажды они нашли длинную шаль из перьев. Шаль змеей обвилась вокруг Карны, от нее пахло так же, как от папиного докторского чемоданчика. Карна обмотала ею шею и поняла, что шаль живая.

Перед уходом Карны бабушка сняла красное платье, чтобы Карна смогла унести с собой вниз запах лета. Карна взяла платье и повесила его на спинку стула у себя в комнате.